

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'27

ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов A. V. Alferov

Е. Ю. Кустова E. Y. Kustova

Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

О ДИСКУРСИВНОМ СТАТУСЕ И КАТЕГОРИЯХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

INTERACTIONAL APPROACH TO THE STUDY OF PARLIAMENTARY COMMUNICATION

Аннотация. Парламентская коммуникация отличается прежде всего институциональностью и рядом категорий, которые рассматриваются в статье с точки зрения интеракционного подхода как к форме, так и к содержанию составляющих парламентскую коммуникацию дискурсов и текстов. В статье предлагается метод категориальных оппозиций как средство концептуализации парламентской коммуникации в контексте политической лингвистики.

Ключевые слова: парламентский дискурс; политическая коммуникация; изотопия политического текста; французский парламентский дискурс; сайты французского парламента; интеракционность парламентского дискурса.

Сведения об авторе: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор Научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

Сведения об авторе: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: lenakustov@yandex.ru.

Abstract. Parliamentary communication is characterized, first of all, by institutional and conventional forms and a number of categories, which are considered in the article from the point of view of interactional linguistic approach both to the form and meaning of the texts that make up parliamentary communication. The paper proposes a method of categorical oppositions as a means of conceptualization of parliamentary communication in the context of the political linguistics.

Key words: parliamentary discourse; PR policy of French parliament; parliamentary communication; isotopy of parliamentary discourse; interactional linguistic analysis.

About the author: Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional linguistics & Institutional Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

About the author: Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Триада «Коммуникация — дискурс — текст» (К-Д-Т) — это, пожалуй, самый яркий концептуальный «кубик Рубика» современной лингвистики (см., напр.: [Ван Дейк 1989; Демьянков 2007; Карасик 2002; Кубрякова, Александрова 1997; Патюкова 2009] и др.). Сегодняшняя дискуссия, возникшая вокруг этих взаимопересекающихся и дополняющих друг друга категорий, сменила не менее острую и по своему пафосу, да и по сути полемичку по поводу языкового и речевого статуса

высказывания и предложения (см., напр.: [Алферов 2007]), обострившую в свое время «вечную» проблему Речи и Языка. Однако за общей кажущейся простотой объяснительной дихотомии Э. Бенвениста «ПРОЦЕСС — РЕЗУЛЬТАТ» [Бенвенист 1974] стоит принципиально большая их эвристическая и методологическая значимость. И это в немалой степени касается политической лингвистики [Демьянков 2002; Чудинов 2012; Charaudeau 2002; Sacriste 2001].

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Кустова Е. Ю., 2014

Сталкиваясь с коммуникативным пространством социальной и политической реальности, можно легко обнаружить градуальность конвенционализации, и/или так называемой институционализации существующих на этом пространстве речевых процессов, действий, актов, речевых жанров (событий): переговоров, дебатов, деклараций, прокламаций, наконец, всякого рода «псевдоинформационных сообщений» — диффамаций, лжи, клеветы, — которые концентрируются в коммуникативном фокусе «информационной войны». Поэтому политическую коммуникацию можно прежде всего расценивать как **регламентированную** и **нерегламентированную** в большей или меньшей степени.

Парламент как политический институт и как актор социально-политической интеракции современного общества является отражением всех этих бурных процессов, но является при этом тем «ограниченным институциональным пространством» и механизмом, изначально направленным на регламентированность политической деятельности. Рассматривая парламентскую коммуникацию как «концентрированное выражение» политических процессов, исследователи могут прийти к более четкому представлению о системе и структуре политического *Языка* и политической *Речи*.

Три вышеприведенные категории (*коммуникация*, *дискурс* и *текст*) в применении к парламентской деятельности имеют несколько принципиальных внешних и внутренних (имманентных) характеристик, которые в какой-то степени коррелируют с *политическими речевыми процессами* в целом.

Первой такой характеристикой представляется дихотомия (градуальная) «**открытость — закрытость**». Парламентская коммуникация отличается регламентом, определяющим время, пространство и форму того или иного парламентского события: слушаний, дебатов, вопросов правительству, заседаний парламентских комиссий и т. д. Все эти события сопровождаются традиционными декларативами: «Заседание объявляется открытым/закрытым». Прекращается ли при этом коммуникация? Нет, как не прекращается сама *Речь*. Более того, естественно, что и начало, как и пресуппозиция, любой парламентской коммуникации лежит за пределами не только одного заседания или сессии и не прерывается даже «парламентскими каникулами». Внешняя форма **институциональности** (закрытости) противостоит внешней **политизированности** (открытости) и даже внешней обыденности формы парламентской коммуникации.

Парламентская коммуникация суть производное от окружающей ее общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств аргументации. Это, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции, но тем не менее парламентский **дискурс** отличается необходимостью принятия решений, которые имеют больший политический вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации в институциональную законотворческую **текстовую** деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности парламентской коммуникации как о мере ответственности субъектов, в ней участвующих.

Таким образом, рассматривая триада К-Д-Т в коммуникативном пространстве парламентской деятельности можно быть представлена следующим достаточно тривиальным образом:

Однако здесь иерархия основана не только на принципе включения и пересечения («каждый текст — коммуникация, и наоборот»), но и на градуальности степени открытости, ответственности и регламентированности (институциональности): в коммуникативном пространстве парламентской деятельности — парламентской коммуникации — возможна открытость как в смысле незавершенности, перманентности, так и в смысле способности включать в себя форму и содержание внешней общеполитической коммуникации и вмешиваться в это общеполитическое коммуникативное пространство (например, декларации, заявления, решения об оказании помощи, защите интересов граждан, выражение поддержки или осуждения того или иного политического события, соболезнования и пр.).

Природа **парламентского дискурса** заключается прежде всего в диалогизме, **интеракционности** [См.: Алферов 2011, 2013; Алферов, Кустова, Попова 2013]. В природе парламентской коммуникации заложена институциональная необходимость сосуществования различных дискурсов —

идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец, *идиополитических* (о термине см.: [Белошапкина]), т. е. присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Главной характеристикой **парламентского дискурса** становится, таким образом, его **персонализация и интенциональность** («адресат — адресант»). Можно сказать, что максимальное многоголосие и полифоничность парламентской коммуникации преломляется в полифонии [Бахтин 1979] и диалогизме парламентского дискурса. К парламентской коммуникации, рассматриваемой в целом, трудно приложить известный принцип *Cui prodest?* (кому выгодно?), тогда как парламентский дискурс, хотя и пронизан интересами многих (корпоративность), более ограничен и конкретен в своей речевой интенциональности (намерениях, целях). Реализацию такой интенциональности мы считаем **текстом** — *речевым результатом* (не важно, письменный он или устный, существует как документ или устное высказывание в процессе фонации), т. е. *реализацией интенционального дискурса, имеющего явного «бенефицианта» и эксплицитно представляемого автора* (индивидуального или коллективного). Такая персонализированная ответственность закрепляется и в протоколах заседаний парламента, в которых фиксируются либо наиболее релевантные высказывания, представленные на официальном сайте, например российского законодательного собрания [Федеральное собрание], либо все реплики, выкрики с мест и перебивание оратора («реплицированный дискурс» [Алферов, Шамугия, 2013]), которые отражаются в так называемых интегральных протоколах (*compte-rendu intégral*), например французской Национальной ассамблеи [Assemblée Nationale].

Поэтому **институциональность парламентской коммуникации определяется наличием фиксированных текстов** (от реплики парламентария до конституции), *отражающих дискурсы* (партийные, идеологические, этнические и пр.) акторов парламентской деятельности (коммуникации). Ю. С. Степанов, например, считает, что *дискурс* при таком подходе представляет собой «особое использование языка (например, русского) для выражения особой *ментальности* и *особой идеологии*» [Степанов 2001: 4].

Однако полифоническая открытость парламентской коммуникации сочетается с имманентной закрытостью парламентского дискурса и тем более парламентского текста. Парламентский текст достаточно «герметичен» в своей институциональности. Наличие юридической и экономической терми-

нологии, интертекстовые ссылки-референции на артикул той или иной статьи закона или поправки к закону, ссылки на соответствующие положения Конституции, на постановления правительства и прочее и прочее отталкивают «простого налогоплательщика» своей **интертекстовой и терминологической** (юридической) сложностью и вызывают через **текст** недоверие к **дискурсу**, т. е., в конечном счете, к самим парламентариям, к их деятельности вообще. Так, 29 августа 2012 г. по инициативе целого ряда международных общественных организаций, занимающихся мониторингом парламентской деятельности, была принята международная «Декларация о парламентской открытости» [Opening parliament], охватывающая такие вопросы, как продвижение культуры открытости, обеспечение «прозрачности парламентской информации», «легкого доступа к этой информации» и обеспечение «электронного распространения парламентской информации». Французский сайт «Граждане и парламентарии» в 2013 г. развернул интерактивную акцию «Восстановить доверие между гражданами и парламентариями», которая высветила основные вопросы, стоящие на повестке дня, в следующих формулировках:

- существует кризис доверия к парламентариям со стороны французских граждан;
- представительство в парламенте не отражает социальную структуру французского общества;
- парламентарии не заботятся об информационной связи со своими избирателями;
- законы принимаются не в интересах всего общества, а в частных (корпоративных) интересах, и т. д. [Parlement-et-citoyens.fr.].

Таким образом, появилась еще одна внешняя сторона открытости парламентской коммуникации: по сути дела, сама жизнь потребовала **концептуализации** (осмысления структуры и системы) парламентской коммуникации, и этот вызов был принят не только лингвистами-теоретиками, но и практиками — конструкторами сетевой коммуникации, что отразилось в создании и модернизации официальных сайтов национальных законодательных собраний. В основу такой концептуализации ложится главное имманентное свойство любого парламентского дискурса — **интертекстуальность**. Как отмечает А. П. Чудинов, «политические публикации нашей эпохи часто строятся и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст

оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, исторических ссылок, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры» [Чудинов 2003: 27].

В контексте веб-пространства к имманентной характеристике **интертекстуальности** парламентской коммуникации теперь тесно примыкает внешняя характеристика **гипертекстуальности**, пронизанной вышеперечисленными проявлениями общей политической коммуникации во всем её многообразии, информационной сущностью политических событий и процессов, составляющих **пропозицию** и **модальность** парламентской коммуникации [Алферов, Кустова 2014]. По мнению Е. И. Горошко, Интернет предоставил беспрецедентные возможности для «жизни и функционирования» гипертекста на экране компьютера, создав особое коммуникативное социальное пространство, которое видится как некая среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы, сопровождаемые непрерывной транзакцией информационно-коммуникативных ресурсов. В этом социокультурном интернет-пространстве отражается все множество коммуникативных практик и подпространств, создаваемых людьми на настоящий момент» [Горошко 2010: 14].

Официальные сайты представляют парламентскую коммуникацию, что называется, в «3D». Один и тот же ее фрагмент, например заседание французского парламента или парламентской комиссии, представлено и в текстовых протоколах, и в видеозаписи, которая доступна и «активна» на главном сайте в течение текущего года. Протокол заседания перемещается в архив, также доступный любому пользователю Интернета. Все имена политиков снабжены гиперссылками, соотносящимися с их официальным представлением с указанием партийной принадлежности, сроков парламентского мандата и даже места в амфитеатре зала заседаний. Кроме того, гиперссылки соотносятся и со всеми внутрипарламентскими выступлениями каждого депутата, составляющими его парламентский «резерв», а также с его политическими выступлениями в СМИ, любыми публичными акциями и заявлениями. Сайт предоставляет возможность составить дискурсивный портрет любого парламентария и парламентской партии в мультимедийном формате, связан гиперссылками с их личными сайтами и блогами.

Такая открытость в виде мультимедийной протокольной гипертекстуальности пар-

ламентской коммуникации позволяет говорить об **изотопии** (совокупной множественности смыслов) парламентских дискурсов, составляющих парламентскую коммуникацию [Алферов, Кустова 2014; Растье 2001].

Институциональная целостность, которая обеспечивается целенаправленностью и конвенциональностью парламентской деятельности, необходимо предполагает взаимодополняющий характер всех парламентских дискурсов как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Гипертекстуальность и поликодовость парламентской внешней **PR-коммуникации** позволяет определить тот механизм понимания целостности парламентской коммуникации, который задействован в процессе интерпретации парламентских дискурсов, когда общий смысл вытекает из совокупности смыслов отдельных элементов, а каждый отдельный дискурс понимается только в интертекстовых связях с другими дискурсами и в рамках целого.

Интертекстовая природа электронного «гипертекста», возможность «перемещения» из одного дискурсивного пространства в другое, поликодовость дискурсов, аудиовизуальный канал передачи сообщения — всё это дает мощный инструмент для постижения инноватики и интерактивности парламентской коммуникации.

Некоторое время назад считалось, что «парламентская коммуникация в мировой практике является объектом пристального внимания теоретиков политической коммуникации, однако в России, в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам (значительная закрытость части материалов, редактирование их перед публикацией) она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекающей куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией» [Белошапкина]. Это суждение было высказано больше десяти лет назад и, наверное, имело под собой определенные основания. Однако сегодня даже поверхностный взгляд на документацию официального сайта российского Федерального собрания (протоколы заседаний, видеодокументы, трансляции заседаний Государственной думы, размещенные в Интернете) позволяет говорить о значительном прогрессе в сторону прозрачности парламентского процесса и парламентской коммуникации в России. Это открывает большие возможности перед исследователями российских парламентских дискурсов [Федеральное собрание].

Однако обеспечение доступности информации еще не является гарантией ее

эффективности. Релевантность, как известно, прямо пропорциональна доступности текста и обратно пропорциональна интерпретационному усилию [Sperber, Wilson 1989]. Политический дискурс отличается амбивалентностью. Партии и политики, придерживающиеся разных взглядов и идеологий, преследующие иногда противоположные цели, пользуются практически одной и той же риторикой, апеллируют к одним и тем же человеческим, христианским и демократическим ценностям. Что плохого, казалось бы, в словах «да здравствует Украина» и «героям слава», если бы не их сегодняшний злобный подтекст и, как оказалось, кровавый контекст.

Поэтому интерактивность парламентской коммуникации, постоянная обратная реальная или «веб-опосредованная» через Интернет, «Твиттер» и т. п. связь с гражданами, которые, по сути, представляют конечный «конклюзивный» адресат и бенефициант парламентской коммуникации, предполагает рассмотрение парламентских дискурсов в их институциональной целостности, интеракционной динамичности и конвенциональной статичности (конклюзивные тексты). Парламентский дискурс **интерактивен** и вступает в коммуникативное пространство политической коммуникации в виде элемента структуры и системы глобального **гипертекста**.

Интеракционная природа парламентского дискурса диктует и интеракционный подход к его исследованиям. Теоретической базой такого подхода становятся традиции русской школы диалогизма, развивающей идеи М. М. Бахтина, функционального структурализма Р. Якобсона [Якобсон 1975], методологии отечественных и зарубежных исследователей «критического анализа» дискурса [Демьянков 2002; Charaudeau 2002], речевого (конверсационного) анализа (conversational analysis) [Moeschler 1985, 1986] и корпусной лингвистики [Charaudeau 2009; Kerbrat-Orecchioni 2005], а также бурно развивающейся сегодня политической лингвистики [Демьянков 2002; Чудинов 2012].

Анализ политического (в том числе и парламентского) дискурса требует герменевтического, интерпретационного подхода, опирающегося на разного рода presuppositions, необходимые для понимания не только «семантики», но и прагматики дискурса. Эти presuppositions и их интерпретации можно представить в виде взаимодействия метадихотомий, таких как «Люди ↔ Тексты», «Парламентский ↔ Политический», «Диалогичный ↔ Монологичный», «Конвенциональный ↔ Обыденный» (дискурсы) [Алферов, Кустова 2014] и др.

Метод концептуальных оппозиций, интеракционный по своей сути, может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции существуют не только на метауровне, но составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, мы имеем в виду градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Например, дихотомия *Люди ↔ Тексты*, как уже отмечалось, предполагает два аспекта прагматического анализа: а) адресанты и адресаты — интенциональные субъекты и целевые субъекты (партийная принадлежность / электорат); б) «почему»-тексты и «зачем»-тексты — иллокутивно-интенциональный и перлокутивный аспекты текста (устного/письменного). Парламентская коммуникация представлена коллективными и персональными дискурсами, производящимися кем-то в чьих-то интересах (инклюзивных, общих, или эксклюзивных, частных), и направленными на ту или иную целевую аудиторию [Алферов, Кустова, Попова 2013].

Простой пример. Известно, что актуальную информацию (смысл) невозможно понять, если не знать, кто отправитель этой информации.

Так, следующий отрывок протокола заседания Национальной ассамблеи, расположенного на официальном сайте, свидетельствует об имплицитности речевой интенции говорящих и скрытых смыслах, стоящих за репликами участников речевого взаимодействия:

<i>Charles de La Verpillière.</i> Monsieur le Premier ministre, depuis le mois de mai 2012, vous contrôlez tous les pouvoirs.	<i>Г-н Шарль де ля Верпиер.</i> Господин премьер-министр, с мая 2012 г. вы контролируете всю власть...
---	--

<i>M. Jean Launay.</i> Par la volonté du peuple!	<i>Г-н Жан Лонэ (реплика с места).</i> Волею народа!
---	---

<i>M. Charles de La Verpillière.</i> En vingt mois, qu'avez-vous fait de ce pouvoir absolu ? Rien ! Rien d'utile pour la France! [Assemblée Nationale]	<i>Г-н Шарль де ля Верпиер.</i> За двадцать прошедших месяцев чего вы добились этой абсолютной властью? Ничего. Ничего нужно-го народу Франции!
--	---

Очевидно, что понять смысл реплики «Волею народа!», т. е. ее аргументативную направленность (*pro/contra*), можно только

в том случае, если известно, какие позиции занимают протагонисты данного репликативного дискурса [Алферов 2011]. Ответ на этот вопрос можно получить здесь же, на сайте, в гипертекстовом режиме *онлайн* (по гиперссылке):

M. Charles de la Verpillière — оппозиционер, член партии СНД (UMP) [Assemblée Nationale]

M. Jean Launay — социалист, принадлежит к правящему большинству [Assemblée Nationale]

Отсюда становятся понятными иллюкативная направленность и смысл агонально-го, контраргументативного речевого акта «*Волею народа!*» парламентария Ж. Лонэ, предваряющего последовавшую критику оппозиционера.

Кроме того, люди, участвующие в парламентской коммуникации, существуют не только в качестве реальных политиков — субъектов парламентской коммуникации. Они входят в текст уже не просто в качестве *онимов* с исключительно референтной, денотативной функцией, но и в качестве своего рода концептов, приобретая сигнификативное, коннотативное значения [Siblot 2001] и даже гипертекстуальность [Вардзелашвили, Певная 2010]. Имена В. В. Путина, А. Меркель, Б. Обамы обладают понятийным содержанием, вмещающим всю их политическую историю, которая сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями. Как

это ни печально для французов, имя нынешнего президента Ф. Олланда вызывает скорее разочарование и грустный скепсис, выплескивающийся в политический и, в частности, парламентский дискурс в виде карикатурных «ников»: седьмого президента Пятой французской республики окрестили *Monsieur Royal* (когда он был спутником Сеголен Руаяль, а так, т. е. по имени супруга, называют только женщин), *Monsieur ni oui ni non* (Г-н ни да ни нет), а с легкой руки супруги Николя Саркози — Карлы Бруни — он получил прозвище *Pingouin*.

Интертекстуальность таких «ярлыков» во многом определяет политические концептуальные стереотипы и интерпретацию парламентских дискурсов. Еще один пример. Сегодня значительную роль в политической жизни Франции играет партия «Национальный фронт», традиционно «крайне правая», которая в политическом узусе часто трактуется как «националистическая», однако на самом деле достаточно гибкая и часто конструктивная в парламентской деятельности, победившая на последних муниципальных выборах во многих городах и регионах Франции, завоевавшая сильные позиции в Европейском парламенте в мае 2014 г. и занявшая сегодня объективную позицию в вопросе об Украине. Так, на одном из заседаний комиссии Национальной ассамблеи по международным отношениям 26 февраля 2014 г. депутат от «Национального фронта» Марион Марешаль-Лё Пэн в вопросе министру иностранных дел Лорану Фабиусу отметила, что, нарушая принцип невмешательства, Европарламент в своей позиции по Украине игнорирует тот факт, что часть протестующих Майдана относится к неонацистам и крайне правым. Тут же последовала прослеживаемая в видеотексте бурная реакция удивленно-ироничного протеста со стороны парламентариев [Vidéos-ASSEMBLÉE NATIONALE], понять которую можно только при соотнесении с бытующими политическими стереотипами о «Национальном фронте» как о крайне правой, националистической партии. В ответ на эти «коммуникативные происки» Марион Лё Пэн заметила, что «слишком просто сводить всё к примитивным оценочным клише, как это делают французские СМИ». Вот как это передано в тексте протокола:

«**Mme Marion Maréchal-Le Pen.** Je regrette que l'Union européenne ait, une fois de plus, fait fi du principe de non-ingérence, en soutenant des manifestations, qui dénonçaient certes la corruption, mais auxquelles ont participé des milices néonazies et des partis d'extrême-droite qui risquent d'entrer demain au

nouveau gouvernement ukrainien. (*Exclamations de plusieurs commissaires.*) **Chers collègues, votre analyse du Front national est aussi simpliste que celle des médias français!**» [Commission des affaires étrangères].

Здесь еще раз проявляется оппозиция «политическая коммуникация vs. парламентский дискурс». Последний должен по определению быть более конструктивным, абстрагироваться от сиюминутных и часто «казанных» течений политического «мейнстрима», а уж тем более не опираться лишь на ангажированную «информацию» СМИ, втянутых в «информационную» войну. Здесь, помимо **деонтологии** парламентского дискурса, встает вопрос о **степени коммуникативной ответственности** как дискурсивно-прагматической категории парламентской коммуникации.

В интеракциональной лингвистике достаточно подробно разработана номенклатура стратегий, маркеров и операторов речевого взаимодействия, релевантная также для парламентской и для полемики политической коммуникации (см., напр.: [Алферов 2001; Тамразова 2009; Шамугия 2006]).

Большое значение в определении роли и дискурсивных функций парламентской коммуникации приобретает номенклатура и типология парламентских текстовых корпусов [Chargaudeau 2009], т. е. совокупности анализируемых текстов определенных жанров (протоколы дебатов, поправки к закону, запрос партийной группы и т. п.). В проверке валидности их интерпретации и эффективности их воздействия большое значение приобретают количественные методы, например модифицированный контент-анализ [Баранов 2007; Почепцов 2001], дополняемый когнитивно-концептуальным анализом, например выявлением концептуальных метафор партийного или идиополитического дискурса [Чудинов, Будаев 2008]. Итак, типология корпусов парламентской коммуникации основывается на уже упомянутой имманентной категории **«конвенциональность ↔ неконвенциональность»**. Дискурсы и их реализация могут, с одной стороны, иметь строго институциональный характер (проект закона, отчеты комиссий, порядок ведения заседания и пр.), с другой — носить более или менее свободный характер выражения как в плане стиля, так и в плане реализации дискурса (дебаты, вопросы правительству и пр.). В последнем случае в протоколы попадают неинституциональные дискурсивные элементы (реплики, восклицания, аплодисменты и прочее, зафиксированные в протоколах) [Алферов, Шамугия 2013].

Имманентные характеристики, позволяющие ориентироваться не только на конвенциональный тип дискурса и текста (документа), также могут быть рассмотрены при помощи интеракционального метода концептуальных оппозиций, к которым относятся следующие:

1. Монологизм/монологичность ↔ диалогизм/диалогичность дискурса. Парламентский дискурс может иметь четыре формы в зависимости от количества адресантов и типа внутренней интеракциональности:

- а) *монологическая монологичная речь* — один адресант и однонаправленная интенциональность, например ответ министра на вопрос парламентария;
- б) *монологическая диалогичная речь* — один адресант, но разнонаправленная интенциональность, например выступление в парламенте, освещающее различные противоречивые варианты решения проблемы (про- и контраргументы) или различные точки зрения;
- в) *диалогическая монологичная речь* — два и более адресанта и однонаправленная интенциональность, например выступление представителей одной партии, излагающих ее позицию (коаргументация);
- г) *диалогическая диалогичная речь* — парламентские дебаты (множественный адресант, разнонаправленные интенции) [См. также: Алферов, Шамугия 2013].

2. Кооперативность (корпоративность) ↔ **агональность** (противодействие). Данная дихотомия проявляется на разных уровнях анализа дискурса: пропозициональном (выбор темы обсуждения), иллюкутивном (декларативность, вопросительность, оптативность и пр.), аргументативном («pro» и «contra», аргумент ad hominem и пр.), интерперсональном (похвалы, лесть, обвинения, оскорбления и пр.).

3. Полемичность ↔ конклюдентность. Эта дихотомия отражает этапы законотворчества (от обсуждения до принятия законодательного документа).

Помимо дискурсивной структуры корпусов и содержательного анализа пропозиции парламентских текстов, интеракциональное исследование парламентских дискурсов направлено на динамические аспекты речевого взаимодействия: иллюкутивный, интерперсональный и аргументативный факторы парламентской интеракции [Алферов 2007].

Представленный список выведенных категорий в виде концептуальных антиномий парламентской коммуникации, характеризующий ее дискурсы, остается открытым. Политическая лингвистика, оперируя методологическим аппаратом риторики, теории дискурса, теории аргументации, прагматич-

гвистики, всё еще находится на стадии формирования собственного понятийного аппарата. Разрабатываемый интеракционный подход к смыслообразованию и интерпретации парламентского дискурса должен, на наш взгляд, занять свое место в теории и прикладных реализациях отечественной политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. Дейксис *de dicto*: функциональный класс интеракционных индексов // Филологические науки. 2001. № 2. С. 85—93.
2. Алферов А. В. На пути к грамматике речи: интеракционные категории высказывания // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. — М. : Ленанд-УРСС, 2007. С. 457—461.
3. Алферов А. В. Интеракционная лингвистика и структура диалога // Вестн. ПГЛУ. 2011. № 4. С. 135—137.
4. Алферов А. В. Некоторые интеракционные аспекты парламентской коммуникации // Материалы 7-го междунар. конгр. «Мир через языки, образование, культуру». Симпозиум 11-й. — Пятигорск, 2013. С. 5—8.
5. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 2. С. 77—79.
6. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Пропозиция и модальность парламентской коммуникации: Французская Национальная Ассамблея в лицах // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. тр. междунар. науч.-метод. конф. — Ростов н/Д : ДЮИ, 2014. Вып. 17. С. 10—14.
7. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Изотопия парламентского дискурса (на материалах официального сайта Французской Национальной Ассамблеи) // 8-й Конвент РАМИ : «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления» (МГИМО, Москва, 25—26 апр. 2014 г.). URL: <http://www.rami.ru/ru/sections/25-2011-05-12-09-16-54/sektsii-viii-konventa-rami/152-sektsiya-13-politika-i-politiki-politicheskij-diskurs-kak-ob-ekt-lingvisticheskogo-analiza>.
8. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 3. С. 107—111.
9. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2007.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Советская Россия, 1979.
11. Белошапкина Н. Н. Политические процессы в сфере теории речевого воздействия. URL: <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/beloshapkina.html> (дата обращения: 20.02.2014).
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974.
13. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. — М. : Прогресс, 1989.
14. Вардзелашивили Ж. А., Певная Н. П. Концепт как маркер гипертекстуальности // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Самара : ПГСГА, 2010. С. 7—11.
15. Горошко Е. И. Гипертекст 3.0: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Самара : ПГСГА, 2010. С. 14—19.
16. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.
17. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык, культура, общество : 4-я междунар. науч. конф. (Москва, 27—30 сент. 2007 г.) : пленарные доклады. — М. : Моск. ин-т иностранных языков ; Рос. акад. лингвист. наук ; Ин-т языкознания РАН ; науч. журн. «Вопросы филологии», 2007. С. 86—95.
18. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
19. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. — М. : Диалог-МГУ, 1997. С. 48—62.
20. Патюкова Р. В. Сопоставительный анализ понятий публичной и политической коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 67—72.
21. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М. : Ваклер ; Киев : Рефл-бук, 2001.
22. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. — Н. Новгород : Деком, 2001.
23. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
24. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2009.
25. Федеральное собрание Российской Федерации. Государственная дума : офиц. сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2014).
26. Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста // Политическая лингвистика. 2003. № 10. С. 27—34.
27. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2012.
28. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта, 2008.
29. Шамугия Л. Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса (на материале парламентских дебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006.
30. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.
31. *Assemblée Nationale*. Site officiel. URL: <http://www.presidence.assemblee-nationale.fr/> (дата обращения: 29.05.2014).
32. Charaudeau P. «A quoi sert d'analyse le discours politique?» // *Anàlisi del discurs polític* / IULA-UPF. Barcelona, 2002. URL: <http://www.patrick-charau>

deau.com/A-quoi-sert-d-analyse-le-discours.html (дата обращения: 1.05.2014).

33. Charaudeau P. «Dis-moi quel est ton corpus, je te dirai quelle est ta problématique», revue *Corpus* n°8, Nice, 2009. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Dis-moi-quel-est-ton-corpus-je-te,103.html>.

34. *Commission des affaires étrangères*. Mercredi 26 février 2014. Séance de 8 heures 30. Compte rendu n° 47. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314047.asp#P5_47.

35. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. — P. : A. Collin, 2005.

36. Matoesian G. Intertextuality, affect, and ideology in legal discourse // *Text*. Vol. 19, № 1. B. ; N. Y., 1999. P. 73—109.

37. Moeschler J. Pragmatique conversationnelle: aspects théoriques, descriptifs et didactiques // *Etudes de linguistique appliquée*. 1986. № 63. P. 40—50.

38. Moeschler J. Argumentation et Conversation. *Eléments pour une analyse pragmatique du discours*. — P. : Hatier, 1985.

39. *Opening parliament*. URL: <http://blog.openingparliament.org/> (дата обращения: 1.05.2014).

40. *Parlement-et-citoyens.fr*. URL: : <https://www.parlement-et-citoyens.fr/enquete/> (дата обращения: 1.05.2014).

41. Sacriste V. Sociologie de la communication publicitaire // *L'Année sociologique*. 2001/2. Vol. 51. P. 487—498.

42. Siblot P. De la dénomination à la nomination. Les dynamiques de la signifiante nominale et le propre du nom // *Cahiers de praxématique*. 2001. № 36. P. 189—214.

43. Sperber D., Wilson D. La pertinence. *Communication et cognition*. — P. : Minuit, 1989.

44. *Vidéos-ASSEMBLÉE NATIONALE Commissions*. Mercredi 26 février 2014. Situation en Ukraine. URL: <http://videos.assemblee-nationale.fr/video.5255.commission-des-affaires-etrangeres--situation-en-ukraine-26-fevrier-2014#> (дата обращения: 22.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.